

***МЫ ПОМНИМ
И НЕ ЗАБУДЕМ!***

А. И. ПОТЫЛИЦЫН

МЫ ПОМНИМ И НЕ ЗАБУДЕМ!

(СЕВЕР ПОД ИГОМ АНГЛО-АМЕРИКАНСКИХ
И ФРАНЦУЗСКИХ ЗАХВАТЧИКОВ. 1918—1920 гг.)

АРХАНГЕЛЬСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1950

ОГЛАВЛЕНИЕ

Воровской захват „цивилизованными“ разбойниками	
Мурманска и Архангельска	9
„Демократические свободы“ колонизаторов	14
Белая армия — пушечное мясо для интервентов	19
Большевики Архангельска в подполье	23
Губернская тюрьма	26
Мудьюгская ссыльно-каторжная тюрьма	30
Ссыльно-каторжная тюрьма Иоканьга	35
Террор в уездах	39
Колониальный грабеж Советского Севера интервен-	
тами	43
Приложения	49

Обложка художника С. Г. Григорьева

Редактор *Т. Трескина.*
Техн. редактор *Г. Щетникова.*
Корректор *А. Староверова.*

Сдано в проиав. 26/V-50 г. Подписано к печати 6/VII-50 г. Форм. бум. 60x84₁₆. Бум. л. 1,625.
Печ. л. 2,958. Уч.-изд. 2,93. Изд. № 3244. Тираж 5000.
Сл-02383 Заключ. 566 Цена 75 коп.

Типография им. Скленкина, Архангельск, Набережная им. Сталина, 86.

В феврале 1950 года исполнилось 30 лет со дня освобождения Советского Севера от англо-американских интервентов и белогвардейцев.

Англо-американские империалисты хотели поработить нашу Родину и, в частности, громадную территорию Советского Севера с его неисчерпаемыми естественными богатствами превратить в одну из колоний, а трудящихся — в рабов.

Они настолько верили в успех своего воровского нападения на Советскую страну, что в начале 1919 года в Лондоне появились географические карты, на которых Кольский полуостров был отпечатан тем же цветом, что и английские колонии. Французские империалисты, опасаясь, что их соперники по колониальному грабежу захватят больше, ставили условием, чтобы доходы от эксплуатации богатств нашей страны шли на покрытие миллиардных долгов царского правительства.

Закабалить нашу Родину, превратить ее в зависимую, колониальную страну, империалисты Америки стремились еще во время пребывания у власти Керенского. В наши дни, когда обнаглевшие американские империалисты открыто проводят политику развязывания новой мировой войны, направленной в первую очередь против народов Советского Союза и стран народной демократии, следует вспомнить об особо агрессивной роли американского империализма, пытавшегося обеспечить себе мировое господство уже в 1918—1919 годах.

В письме к американским рабочим 20 августа 1918 года В. И. Ленин, характеризуя американский империализм, писал:

„...американские революционные пролетарии призваны именно теперь сыграть особенно важную роль, как непримиримые враги империализма американского, самого свежего, самого сильного, самого последнего по участию в всемирной бойне народов из-за дележа прибылей капиталистов.

Именно теперь американские миллиардеры, эти современные рабовладельцы, открыли особенно трагическую страницу в кровавой истории кровавого империализма, дав согласие — все равно, прямое или косвенное, открытое или лицемерно-прикрытое, — на вооруженный поход англо-японских зверей с целью удушения первой социалистической республики¹.

В августе 1918 года, когда войска интервентов и белогвардейцев замкнули кольцо фронтов вокруг Советской России, находившийся в Москве американский консул продолжал нести службу шпиона и разведчика. Телеграммой от 26 августа 1918 года этот дипломатический шпион указывал государственному секретарю США Лансингу:

„Чехам не только нужно поспешно оказать поддержку со стороны тыла, но без промедления соединиться с ними на севере. В то же самое время совершенно незащищенный в настоящее время фланг у Самары должен получить прикрытие при поддержке Дутова, Алексеева и других активных элементов в промежуточных районах, как это указано в предыдущих телеграммах, и должен быть подготовлен путь для соединения с англичанами, идущими из Баку“.

В разгар иностранной вооруженной интервенции и гражданской войны в России, в 1919 году, когда империалистам стал совершенно ясным провал интервенции, американские колонизаторы, прикрывшись личиной миролюбцев, предлагали признать де-факто существовавшие тогда на территории России, наряду с Советским правительством, многочисленные белогвардейские и буржуазно-националистические „правительства“. Таким подлым приемом американские империалисты пытались расчленить нашу Родину и тем самым обеспечить превращение ее в зависимую, колониальную страну.

Непримиримо враждебное отношение правящих кругов США к Советскому государству вызывающе подчеркивалось ими и тем, что только через шестнадцать лет со времени его существования, позднее всех больших капиталистических стран, Америка признала Советский Союз.

Это американские империалисты помогли притти к власти германским фашистам и тем самым развязать вторую мировую войну, войну фашистов против страны Советов.

Россия, истощенная в первой мировой империалистической войне, казалась англо-американским и французским империалистам легкой добычей. Осенью 1917 года они пришли

¹ В. И. Ленин. Соч., изд. 3, т. XXIII, стр. 176.

к соглашению о разграничении своей деятельности в оказании „помощи“ помещичье-капиталистической России. Америка бралась за реорганизацию железных дорог, Англия — морского транспорта, Франция — армии. Это было началом не только вмешательства во внутренние дела России, но и последовавших тайных сговоров империалистов о разделе ее на сферы влияния. Руководимый гением Ленина и Сталина русский народ, совершив великую Октябрьскую социалистическую революцию, пресек коварные замыслы и колониаторские вождедения захватчиков.

Победа социалистической революции внесла смятение и ужас в лагерь всего империалистического мира. Пример Советской России, где к власти пришли рабочие и крестьяне, являлся поощряющим для рабочего класса капиталистических стран. Капиталисты стран, боровшихся в первой мировой империалистической войне, опасались, как бы, по определению В. И. Ленина, искры пожара социалистической революции в России не перепали на их крыши.

Это обстоятельство было основной причиной иностранной вооруженной интервенции 1918—1920 гг.

Раздираемые внутренними противоречиями, империалистические хищники были единодушны в стремлении свергнуть Советскую власть и тем самым удушить мировую социалистическую революцию в самом начале. Но у внешних врагов Советской власти — империалистов Англии, Америки, Франции, продолжавших мировую войну, для открытой вооруженной интервенции не было достаточного количества надежных воинских сил.

Внутренняя контрреволюция в лице свергнутых Великой Октябрьской социалистической революцией классов помещиков и капиталистов, разбитых партий кадетов, меньшевиков, эсеров, анархистов располагала кадрами белогвардейского офицерства и некоторыми силами для кулацких мятежей, но не имела денег и вооружения.

„Условия борьбы с Советской властью, — говорится в „Кратком курсе истории ВКП(б)“, — диктовали объединение обеих антисоветских сил, иностранной и внутренней. И это объединение сложилось в первой половине 1918 года.

„Так сложилась иностранная военная интервенция против Советской власти, поддержанная контрреволюционными мятежами врагов Советской власти внутри России“.¹

¹ „История ВКП(б). Краткий курс“, стр. 216.

Товарищ Сталин указывал, что без поддержки сил внутренней контрреволюции силами империалистов Англии, Америки, Франции, Японии, „...серьезная гражданская война в России была бы совершенно невозможна“.¹

Одним из плацдармов для развертывания своих сил и вооруженной борьбы с Советской Россией разбойники англо-американского и французского империализма и внутренняя буржуазно-помещичья контрреволюция избрали Советский Север — тогдашнюю Архангельскую губернию — от Печенги на Мурмане до далекой Печоры. Здесь действовали вооруженные силы Англии, Америки, Франции и других капиталистических стран.

С июля 1918 года по февраль 1920 года трудящиеся Советского Севера находились под игом иноземных захватчиков и белогвардейцев. Десятки тысяч трудящихся области прошли заключение в многочисленных тюрьмах и застенках контрразведок. Тысячи людей, преданных советской власти, были замучены и расстреляны. Но ни концентрационными лагерями, ни каторжными тюрьмами Мудьюга и Йоканьги, ни военно-полевыми судами интервенты не могли сломить мужества и беззаветной решимости советских людей отстоять завоевания социалистической революции.

Вместе со всем советским народом, поднятым большевистской партией на отечественную войну против интервентов и белогвардейщины, выступали и трудящиеся Севера. Добровольцами регулярных частей Красной Армии, в партизанских отрядах, на фронте, в тылу противника, в глубоком подполье рабочие и бедняцко-середняцкое крестьянство Севера, руководимые организациями большевистской партии, вели героическую борьбу с иноземными захватчиками и белогвардейщиной до их полного разгрома и позорного бегства с Советского Севера.

С того времени прошло более тридцати лет. Советский Союз под руководством большевистской партии и мудрого вождя народов товарища Сталина превратился в великую социалистическую державу, ярко продемонстрировавшую свою силу, могущество советского строя в годы второй мировой войны.

Успешно решая поставленные послевоенной сталинской пятилеткой грандиозные задачи мирного строительства, советская страна уверенно идет к дальнейшему подъему и рас-

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 8, стр. 360.

цвету народного хозяйства и культуры, по пути к коммунизму. Неуклонно повышается материальное благосостояние трудящихся. Жизнь советских людей становится все более богатой и зажиточной. С законной гордостью смотрит наш народ на результаты своего самоотверженного труда, на свои достижения в коммунистическом строительстве. Вдохновляемые этим примером и братской помощью народов Советского Союза, значительных успехов в деле строительства социализма достигли трудящиеся стран народной демократии.

Так обстоит в возглавляемом Советским Союзом лагере мира, демократии и социализма, тогда как капиталистический лагерь потрясается непрерывно обостряющимся кризисом производства, ростом безработицы, обнищанием многомиллионных масс трудящихся.

Американские империалисты, очередные сумасбродные претенденты на мировое господство, вместе с империалистами Англии и других капиталистических стран, пренебрегая уроками прошлого, ищут спасения от кризиса в подготовке и развязывании новой мировой войны. Но против поджигателей третьей мировой войны выступают организованные силы сторонников мира, насчитывающие в своих рядах сотни миллионов простых людей стран земного шара. Это мощное движение растет и ширится с каждым днем.

Советский Союз с первого дня своего существования вел и ведет неустанную борьбу за мирное международное сотрудничество, за прочный демократический мир во всем мире. Неуклонная решимость Советского Союза продолжать благородное дело борьбы за прочный демократический мир подтверждено заявлением Верховного Совета СССР от 19 июня 1950 г. о солидарности с предложениями Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении атомного оружия, об установлении строгого международного контроля за соблюдением этого запрещения и объявлении военным преступником того правительства, которое первым применит это оружие агрессии и массового уничтожения людей.

Большевистская партия Ленина — Сталина воспитывает трудящихся нашей страны в духе мира и дружбы между народами. Советский Союз под руководством товарища Сталина является авангардом трудящихся всех стран в их борьбе за прочный мир, демократию и социализм.

Миролюбивая политика Советского государства исходит не из опасений угроз агрессоров, а из нескрушимой силы

и мощности, его стремления к демократическому миру и дружбе народов всего мира.

„Мы не хотим войны и сделаем всё возможное, чтобы предотвратить ее. Но пусть, однако, никто не подумает, что мы запуганы тем, что поджигатели войны бряцают оружием. Не нам, а империалистам и агрессорам надо бояться войны.

О чем говорит исторический опыт?

Он говорит о том, что первая мировая война, развязанная империалистами, привела к победе Великой Октябрьской социалистической революции в нашей стране.

Исторический опыт говорит о том, что вторая мировая война, развязанная империалистами, привела к утверждению народно-демократических режимов в ряде стран центральной и юго-восточной Европы, привела к победе великого китайского народа.

Могут ли быть какие-либо сомнения в том, что если империалисты развяжут третью мировую войну, то эта война явится могилой уже не для отдельных капиталистических государств, а для всего мирового капитализма¹.

¹ Г. М. Маленков. 32-я годовщина Великой Октябрьской социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета 6 ноября 1949 г.

ВОРОВСКОЙ ЗАХВАТ „ЦИВИЛИЗОВАННЫМИ“ РАЗБОЙНИКАМИ МУРМАНСКА И АРХАНГЕЛЬСКА

Англо-французские и американские империалисты начали открытую вооруженную интервенцию на Советском Севере без объявления войны в июле — августе 1918 года. После длительной, скрытой подготовки интервенты захватили Мурманское побережье и гор. Архангельск. „Тайно, воровским образом, подкрались эти „цивилизованные“ разбойники и высадили свои войска на территорию России“¹.

Захват интервентами Мурмана происходил в обстановке подлой измены, предательства и связан с черным именем иуды-Троцкого. В исполнение заданий иноземных захватчиков обер-бандит и провокатор обеспечил все важнейшие гражданские и военные посты Мурманска своими подручными, мастерами шпионажа, провокаций и диверсий.

Заместителем, фактически председателем Мурманского Совета с декабря 1917 года являлся сотрудничавший ранее в издававшейся Троцким в Америке газете авантюрист-троцкист Юрьев. Членом, а затем и управделами Совета был агент интервентов, активный участник антисоветских заговоров, старший лейтенант царского флота Веселаго. Морское и сухопутное командование Мурмана возглавлялось контрреволюционным офицерством. Воровское проникновение англо-французских и американских интервентов в Советскую страну через Мурманск облегчалось и тем обстоятельством, что здесь во время первой мировой войны ими для борьбы с германскими подводными лодками держалась эскадра судов. Предатели Юрьев, Веселаго и другие состояли в тесных связях с командованием эскадры.

¹ „История ВКП(б). Краткий курс“, стр. 217.

Следуя указаниям Троцкого — принять от интервентов всяческую помощь, — предатели из Мурманского Совета 2 марта 1918 года заключили с представителями интервентов „словесное“ соглашение о совместных действиях по обороне Мурманского края. Такое „соглашение“ требовалось интервентам как благовидный предлог для высадки в Мурманске своих войск, что они немедленно и сделали, а 9 марта дополнительно к имевшимся в Мурманске их силам прибыли два крейсера — „Кохрэн“ под английским и „Адмирал Об“ — под французским флагами.

В. И. Ленин и И. В. Сталин, узнав о состоявшемся „соглашении“, в разговоре по прямому проводу с Мурманском предостерегали от подозрительной „помощи“ и предлагали Юрьеву, как первый шаг для выхода из создавшегося положения, добиться от представителей интервентов письменного подтверждения их заявления, что они свою „помощь“ не используют в целях оккупации.

Обеспечив плацдарм на Мурмане, англо-американские захватчики для развертывания здесь серьезных военных действий весной 1918 года не имели достаточных воинских сил, будучи заняты войной с Германией на западном фронте — во Франции. Местные контрреволюционные белогвардейские формирования были малочисленны. Им, кроме щедро отпущавшихся интервентами средств и вооружения, требовалась для борьбы с социалистической революцией поддержка надежными войсками, а такие войска приходилось собирать со всего света. Наибольшими возможностями послать оккупационные войска располагала позднее вступившая в войну Америка. В телеграмме от 28 мая 1918 года английский министр иностранных дел А. Балфур запрашивал посла в США Рединга:

„На Мурманском побережье чрезвычайно нужна помощь США, являющаяся фактически основной... Для нас весьма важно удержать Мурманск, если мы хотим сохранить хоть малейшую возможность проникнуть в Россию...”

„Отправка дополнительных французских и английских подкреплений невозможна, и поэтому существенно, чтобы Америка оказала помощь и отправила бригаду, которой было бы дано несколько орудий“.

Войска интервентов, находящиеся в Мурманске, по решению верховного военного совета Антанты — блока империалистических держав, объединившихся против Германии, стали получать пополнение.

3 июня 1918 года верховный совет Антанты отправил на Север России смешанный отряд американцев, англичан, французов и итальянцев.

В начале июня в Мурманск прибыли американский крейсер „Олимпия“ и английский крейсер „Аттентив“. 17 июня на английском крейсере приехал с инструкторами и десантом назначенный интервентами „главнокомандующим союзными войсками на Севере России“ генерал Ф. Пуль. 23 июня в Мурманск прибыл английский крейсер „Соутгемптон“.

В. И. Ленин, рассматривая английский десант как враждебный Советской республике, потребовал, чтобы Мурманский Совет принял решительные меры для отпора интервентам, но Юрьев, уже открыто действовавший как наемник иноземных захватчиков, продолжал дело измены, за что Советским правительством 1 июля 1918 года был объявлен вне закона.

Чтобы обмануть население оккупируемого края и общественное мнение своих стран, представители Англии, Америки, Франции 6 июля 1918 года заключили с заправилами Мурманского Совета письменное соглашение о совместных действиях и „дружественной помощи“ в борьбе против немцев. Интервенты обещали не вмешиваться во внутренние дела края, за исключением прифронтовой полосы, тогда как вся захваченная ими территория являлась фронтовой и прифронтовой полосой. Обнаглевших захватчиков не смущало то, что они вступают в договорные отношения всего лишь с Александровским уездом пустынного тогда Кольского полуострова, входившего в состав Архангельской губернии, „правители“ которого именovali себя Мурманским краевым Советом.

Протесты Советского правительства правительствам Англии, Америки, Франции по поводу их вооруженной интервенции оставались без ответа.

Продвигаясь на юг, войска англичан, американцев, французов в начале июля захватили Кемь и Сороку. Кемский уездный Совет, отказавшийся идти по предательскому пути Мурманского Совета, был разогнан интервентами, а три его члена — тт. Каменев, Малышев, Вицуп расстреляны. В первые же дни открытой вооруженной интервенции сотни лучших представителей рабочих и крестьян Мурманска, Кеми, Сороки были брошены интервентами в тюрьмы и концентрационные лагеря.

Так выполнялись интервентами обещания „дружественной помощи“ и невмешательства во внутренние дела оккупированного ими края.

На Севере Советской России образовался еще один фронт — Северный.

Вторжение англо-американских интервентов в Архангельск готовилось ими долго и тщательно. На средства интервентов в Архангельск забрасывались шпионы, провокаторы, диверсанты, кадры белогвардейского офицерства и всевозможный контрреволюционный сброд. Здесь эти силы группировались вокруг представителей военного командования, поставленного иудой-Троцким.

Еще в начале 1918 года в районе Архангельского порта под видом охраны военных грузов было собрано до четырехсот белогвардейских офицеров. Моряки Северной военной флотилии, проявив революционную бдительность, раскрыли действительное назначение такой „охраны“, подняли тревогу, и по их решительным требованиям контрреволюционная банда была обезоружена и в двухдневный срок отправлена из Архангельска в глубь страны.

Также в целях концентрации враждебных Советской власти сил через Архангельск направлялись итальянские, сербские и другие эшелоны военнопленных „как возвращаемых на родину“. Значительную часть этих вооруженных эшелонов интервенты оставили в Архангельске.

Эти „военнопленные“, несмотря на протесты английского и французского консулов, по требованию губисполкома были обезоружены отрядом моряков и латышских стрелков и 2 июля отправлены в Москву. Планы интервентов и предателей — захватить Архангельск одновременно с белогвардейским мятежом в Ярославле и других северных городах были сорваны.

Предатели из военного командования Архангельска сделали все от них зависящее, чтобы парализовать оборону города. Батареи шестидюймовых орудий на острове Мудьюг при входе в устье Северной Двины, в шестидесяти километрах от Архангельска, были вредительски поставлены на открытом берегу моря возле известного по всем логиям маяка. Орудия нельзя было развернуть для стрельбы залпами во фланг — они стали бы бить в затылок одно другому. Для заграждения фарватера Северной Двины были подготовлены невзрывающиеся мины, а для затопления судов заведомо негодные взрывчатые вещества.

И даже в этих неимоверно трудных условиях советские люди героически защищали подступы к городу.

Когда эскадра интервентов, захватив 31 июля 1918 года гор. Онегу, двинулась на Архангельск, преданные Советской власти моряки малочисленной команды батареи острова Мудьюг 1 августа сделали все возможное для отпора врага. Из годных для стрельбы орудий они били по судам интервентов и, не получая задержанной изменниками помощи, потеряв часть убитыми и ранеными, вынудив замки из орудий, взорвав пороховой погреб, обстреливаемые с судов и гидроплана интервентов, на буксирном пароходе отступили к Архангельску. Мужественная оборона моряков дала возможность произвести эвакуацию советских учреждений из Архангельска в сравнительно спокойной обстановке и вывести вверх по Двине речные суда, из которых вскоре была создана речная военная флотилия.

В Архангельске изменники оставили перекинувшийся на сторону интервентов и белых отряд ротмистра Берса, а красноармейские части, верные Советской власти, вывели из города на левый берег Двины.

Днем 2 августа 1918 года, когда эскадра интервентов уже стояла на рейде перед Архангельском, белогвардейцы в предательски сданном городе произвели „переворот“. На сцену выступило заранее сформированное при поддержке интервентов эсеровское „Верховное управление Северной области“ под председательством „народного социалиста“ Чайковского.

Для обмана трудящихся масс и мировой общественности интервенты инсценировали гнусную комедию „приглашения“ их в Архангельск. В 4 часа дня 2 августа 1918 года „Верховное управление“ постановило „известить“ интервентов о смене власти, а в 6 часов вечера с делегацией от архангельской буржуазии встречало на Соборной площади „приглашенный“ ими десант англо-американских захватчиков.

Несколько позднее, в декабре 1918 года, белогвардейское „правительство“ и буржуазия города дали представителям интервентов и их войск, как освободителям Архангельска от власти большевиков, роскошный благодарственный банкет, на котором выступали с речами о признательности, дружбе и взаимопонимании. Белогвардейское „правительство севера России“ находилось в полной зависимости от заморских хозяев, что подтверждают и сами интервенты и белогвардейцы. Старшина дипломатического корпуса, американский посол Френсис, бывший в центре всех контрреволюционных заговоров,

признавал, что ему заранее был известен примерный день антисоветского переворота в Архангельске. Командовавший белогвардейскими формированиями на севере генерал Марушевский писал в воспоминаниях:

„В Архангельске правительство, каким я его застал в ноябре 1918 г., было под опекой. Опека эта началась еще в период сидения всех союзных послов в Вологде, где, видимо, и спроектировано то правительство, которое оказалось у власти после изгнания большевиков... Несмотря на ряд заявлений всего дипломатического корпуса о невмешательстве во внутренние дела области, фактически вся политика области была в тисках иностранного представительства... Английская политика в крае была политикой колониальной, т. е. той, которую они применяют в отношении цветных народов“, а отношение интервентов к правительству — „положительно пренебрежительным“.

„ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ СВОБОДЫ“ КОЛОНИЗАТОРОВ

Белогвардейское „Верховное управление Северной области“, поставленное англо-американскими интервентами к власти, в тот же день, 2 августа 1918 года, выступило с декларацией, в которой крикливо заявляло о взятых им на себя обязательствах воссоздания государственной власти и восстановления демократических свобод. Разрешать такие задачи „правительство“ эсеров обещало, опираясь на все слои населения, а „также при дружественной помощи со стороны союзных с Россией правительств и народов: Англии, Америки, Франции и других“.

В числе обещанных свобод значились свобода слова, печати и собраний, а интервенты обещали не вмешиваться во внутренние дела области. На деле с подобными обещаниями обстояло так.

Вслед за декларацией белогвардейского правительства о свободе слова, печати и собраний командовавший войсками интервентов английский генерал Пуль издал приказ, гласивший:

„Всякие собрания, митинги и прочие сборища как на улицах, так и в общественных местах и частных квартирах — запрещая. Неисполнение или нарушение сего приказа влечет за собой предание виновных военно-полевому суду“.

Печатать же что-либо разрешалось только с ведома контрразведки интервентов. Под их цензурой находился даже официальный орган белых — „Вестник Верховного управления“.

После антисоветского переворота в Архангельске и захвата города англо-американскими оккупантами эсеры и меньшевики, опасаясь народных масс, вывесили наряду с царскими флагами и красные флаги. Адъютант генерала Пуля предписанием от 4 августа приказал „Верховному управлению“: „...принять все меры, чтобы кроме военного андреевского и национального (белый, синий, красный) другие флаги не подымались“. Красные флаги, напоминавшие трудящимся о временах Советской власти, были немедленно сняты.

Одновременно с обнародованием обещаний всяческих свобод был издан приказ об аресте членов губернского и уездных исполкомов, их комиссаров, членов волостных, сельских исполкомов, „арест которых будет признан необходимым местной властью“.

В этом приказе был предусмотрен также арест наиболее активных деятелей Советской власти, но большинство их отступило с частями Красной Армии и боролось в ее рядах против интервентов и белых и было вне досягаемости.

3 августа „Верховное управление“ утвердило приказ, согласно которому для предварительного рассмотрения дел об арестованных создавались губернская и уездные следственные комиссии. Члены этих комиссий наряду с правом „рассмотрения“ дел об арестованных за принадлежность к коммунистической партии, за работу в советских органах и сочувствие Советской власти, уполномочивались единолично подписывать ордера об аресте и заключении в тюрьму.

Таким образом, контрразведкам и военным властям интервентов, объявившим губернию на военном положении, а также белогвардейщине и ее „местным властям“ — земским управам, с заседавшими в них представителями кулачества и буржуазии, предоставлялись неограниченные возможности сажать за решетку не только активных советских работников, коммунистов, сочувствующих им, но и всех заподозренных в сочувствии Советской власти.

Арестованной оказалась огромная масса людей. Социальный состав арестованных — рабочие города, беднота и середняки деревень — показывал классовую сущность политики интервентов и белогвардейщины, направленной к реставрации свергнутой власти помещиков и капиталистов.

Считая себя господами „завоеванной“ Северной области, интервенты назначили военным губернатором полковника французской армии Донопа, о чем 7 августа поставили в известность „Верхнее управление области.“ На просьбу „Верхнего управления“, хотя бы отсрочить такое назначение, старшина дипломатического корпуса интервентов американский посол Фрэнсис ответил издевательским отказом:

„Нам неизвестно точно, каковы полномочия русского губернатора, как их понимает правительство Северной области. Мы только знаем, что полномочия полковника Донопа имеют единственной целью обеспечить в городе хороший порядок и общественную безопасность, которые пока еще плохо установлены. Поэтому его полномочия не противоречат политическим и административным атрибутам гражданских властей.

Впоследствии будет учрежден межсоюзный орган, составленный из секретарей различных миссий, для поддержания связи всех ведомств и для охранения прерогатив каждого“.

Полковник Доноп повел себя как колониальный губернатор. Распоряжением от 15 августа 1918 года он предписал начальнику губернской тюрьмы, чтобы ни один заключенный не был освобожден без его, губернатора, приказа и обязал представлять списки арестованных, поступающих в тюрьму.

На наглое хозяйничание интервентов и восстановление в правах собственности предпринимателей архангельские рабочие ответили забастовками. За объявленную печатниками забастовку с экономическими требованиями было брошено в тюрьму шестнадцать рабочих-печатников. Бастовавших рабочих архангельского трамвая заменяли солдаты интервентов. Свирепые расправы с рабочими производились по приказам интервентов.

Приказом от 8 сентября 1918 года генерал Пуль предупредил:

„В случае подстрекательства к забастовкам или беспорядкам я объявляю, что виновные будут немедленно арестовываться и предаваться военно-полевому суду, согласно правилам военного положения в городе“.

Наиболее жуткую известность получила контрразведка интервентов, или „военный контроль“, центральной фигурой которой являлся английский полковник Торнхилл. Щупальцы контрразведки проникали, казалось, решительно всюду. Царский генерал Марушевский, вызванный интервентами из-за границы для создания белогвардейских формирований и при-

бывший в Архангельск в ноябре 1918 года, писал о контрразведке интервентов:

„В особом здании помещалась организация, носившая название „Военный контроль“. Военный контроль в области имел значение чисто политическое. Его представители, рассыпанные по всему фронту, вели работу по охране интересов союзных войск, наблюдению за населением и сыску. По существу это была чисто контрразведывательная организация с громадными правами по лишению свободы кого угодно и когда угодно“.

Десятки тысяч передовых трудящихся Архангельской области, коммунистов и беспартийных, прошли через тюрьмы и концентрационные лагеря, созданные интервентами. Тысячи верных советской Родине патриотов были расстреляны, замучены или погибли от голода и эпидемий в застенках „цивилизованных“ разбойников. Мудьюгский концентрационный лагерь и ссыльно-каторжная тюрьма Иоканьга были порождением контрразведок интервентов. Справедливость требует отметить, что в лице англо-американских захватчиков у немецких фашистов были достойные предшественники.

Интервенты не только опутали всю область густой сетью своих и белогвардейских контрразведок, но, кроме назначения колониального губернатора, обязали „Верховное управление“ ввести как „быстро действующие“, военные и военно-полевые суды. В состав таких судов входили представители войск английских, американских и французских захватчиков. Для контроля и непосредственного участия в расправах над трудящимися представители контрразведок интервентов входили членами и в следственные комиссии.

Белогвардейское „правительство“, послушно выполняя волю иноземных захватчиков и опираясь на их штыки, проводило политику защиты интересов предпринимателей и буржуазии в городе, кулачества в деревне, политику удушения социалистической революции, ликвидации ее завоеваний.

Декреты Советской власти о национализации промышленности и фабричном контроле были отменены. Все промышленные, торговые, судоходные предприятия были возвращены прежним владельцам, а рабочие отданы на произвол предпринимателей-капиталистов, которые повели наступление на рабочих и их профессиональные союзы. Профсоюзные организации выбрасывались из занимаемых ими помещений. Рабочих, исполнявших выборные должности в профсоюзах, сажали в тюрьмы или выбрасывали с производства.

чем обрекали на безработицу. Никакой медицинской помощи рабочим не оказывалось.

Вместо обещанного „правительством“ обеспечения „прав трудящихся на землю“ — это после декретов Советской власти о земле! — монастырские и кулацкие земельные угодья возвращались прежним владельцам, а „окончательное“ решение вопроса о земле, как и во времена керенщины, откладывалось на будущее, до Учредительного собрания. За год до этого, в сентябре 1917 года, товарищ Сталин, разоблачая противонародную политику эсеров в земельном вопросе, писал:

„Оказалось, что кричать о земле и о крестьянах легче, чем на деле передать землю крестьянам. Оказалось, что эсеры лишь на словах „болели душою“ за крестьян, а когда пришла пора перейти от слов к делу, — они предпочли спасовать, спрятавшись за Учредительным собранием...“¹

Исключительно позорную роль в период иностранной вооруженной интервенции и гражданской войны на Севере сыграли называвшие себя тоже „социалистами“ архангельские меньшевики. Прикрываясь званием рабочей партии, они всячески пытались помочь интервентам внести разложение в рабочие массы.

Архангельские меньшевики издавали свою газету, разрешенную властями интервентов, в которой призывали рабочих поддерживать интервентов, действовать в союзе с буржуазией и предпринимателями, вступать добровольно в белую армию. Вместе с эсерами, интервентами и белогвардейщиной они ответственны за потоки крови, за тысячи жертв, понесенных трудящимися Архангельской области во время хозяйничанья на Севере англо-американских захватчиков.

Выполнив позорную роль предателей своей страны, расчистив путь силам самой оголтелой реакции от кадетов до монархистов, эсеровское „правительство“, просуществовав полтора месяца, было выброшено вон и заменено другим, в более угодном для интервентов составе.

Формирование нового правительства Северной области проходило при активном участии американского посла Фрэнсиса на состоявшемся у него совещании французского, итальянского послов и английского представителя с делегацией архангельских торгово-промышленных кругов. После совещания Фрэнсис приказал Чайковскому ввести в состав правительства намеченных совещанием кандидатов, что и

¹ И. В. Сталин. Соч., т. 3, стр. 324.

было безоговорочно исполнено. Сформировав новое „правительство“, Фрэнсис удовлетворенно сообщал своему департаменту в Вашингтоне:

„Я думаю, что Чайковский больше не будет назначать министров, которых мы не желаем“.

В Северной области в это время воцарилась открытая, поддерживаемая буржуазией и кулачеством диктатура англо-американской и белогвардейской военщины, диктатура белого террора.

Безудержный террор против трудящихся, тюрьмы и казнь, военные и военно-полевые суды, застенки контрразведок — такой оказалась „демократия“ колонизаторов и так были выполнены обещания о невмешательстве во внутренние дела оккупированной области.

БЕЛАЯ АРМИЯ — ПУШЕЧНОЕ МЯСО ДЛЯ ИНТЕРВЕНТОВ

Легко удавшийся захват мурманского и беломорского побережий вскружил головы интервентам и белогвардейщине. Они видели уже осуществленными свои замыслы: по железной дороге прорваться на Вологду, по Северной Двине — на Котлас. От Котласа, казалось авантюристам, такой близкой была Вятка, намеченная пунктом соединения с силами восточной контрреволюции, из мутных волн которой всплывал ставленник английских, американских, французских, японских интервентов, будущий самозванный „верховный правитель России“ адмирал Колчак.

Наглая уверенность в успехе предпринятой авантюры возбуждала у захватчиков аппетиты мародеров. Их окровавленные грязные руки тянулись не только к природным богатствам Советского Севера, но и к вятскому и сибирскому хлебу. Это отразилось и в решениях эсеровского „Верховного управления Северной области“. Через десять дней после захвата интервентами Архангельска, 12 августа 1918 года, состоялось заседание „Верховного управления“, которое приняло „к сведению“ сообщение одного из своих членов „о спешной организации экспедиции в Котлас за вятским и сибирским хлебом вслед за ушедшими туда военными отрядами“.

На том же заседании было решено передать в управление северных рек разработку вопроса „О принятии своевремен-

ных мер к оборудованию зимнего транспорта по Двине для подвоза сибирского хлеба“.

Зарвавшиеся „цивилизованные“ разбойники жестоко просчитались. Вместе с рухнувшими „стратегическими“ планами сорвались и мародерские вождедения захватчиков.

Выполняя директиву В. И. Ленина организовать защиту Котласа во что бы то ни стало, большевистская партия Ленина—Сталина организовала отпор интервентам. Дальнейшее продвижение их было задержано, а вскоре на Северном фронте сформировались части 6-й Красной Армии.

Не только для дальнейшего продвижения в глубь советской страны, но даже для того, чтобы удержаться на захваченной территории, где, как и по всей стране, с каждым часом росло и крепло сопротивление трудящихся, интервенты не имели достаточного количества вооруженных сил. Привыкшие воевать чужими руками, англо-американские колонизаторы оказались перед необходимостью создания местных военных формирований — белой армии. Но пойти сразу на риск общей мобилизации местного населения, основную массу которого составляли рабочие, крестьянская беднота, середняки, открыто выражавшие жгучую ненависть к иноземным захватчикам, интервенты не смели. По заявлению генерала Пуля массы настолько „заражены большевизмом“, что объявление общей мобилизации местного населения в белую армию означало бы по существу набор кадров для Красной Армии.

Приступая к созданию белой армии, интервенты категорически заявили „Верховному управлению“, что местные военные формирования, по циничному выражению генерала Пуля, как „запас русской живой силы“, а попросту — пушечное мясо, будут находиться в полном распоряжении англо-американского и французского командования.

Первоначально был объявлен набор добровольцев в славяно-британские, славяно-французские и прочие легионы под командованием офицеров оккупационных войск. Но попытка создать белую армию на добровольческих началах позорно провалилась. Широкие массы рабочих и крестьян захваченных интервентами местностей на щедрые обещания интервентов выдать сытный паек, отличное обмундирование, на истеричные призывы эсеров и меньшевиков решительно отвечали:

— Нет! На добровольную службу к иноземным захватчикам не пойдем!

Провал добровольного набора вынудил интервентов и белогвардейское правительство объявить сначала частичную мобилизацию нескольких возрастов и то лишь в двух уездах.

Рабочие и крестьяне, насильно мобилизованные в белую армию, отказывались подчиняться офицерам. Командовавший белогвардейскими силами на Севере царский генерал Марушевский отзывался о первых своих формированиях, как о бушующих ордах. Особенно злобно вспоминал он о матросах.

В воспоминаниях Марушевский писал, как ему... „пришлось возиться три-четыре дня, чтобы снять с судна двух матросов, арестованных в дисциплинарном порядке... Арест сопровождался митингами с топтанием фуражек ногами, причем команда была доведена до такого состояния, что бунт мог вспыхнуть каждую секунду“.

И бунт, как грозное предупреждение интервентам и белым, вскоре вспыхнул.

В декабре 1918 года был сформирован первый полк белой армии. Не считая солдат надежными, командование назначило в каждую роту по десять-двенадцать офицеров, а в пулеметные взводы, по признанию Марушевского, „зачислены были лишь отборные, верные люди, на которых в случае нужды можно было опереться“.

Но и эти меры не оправдали надежд интервентов.

На состоявшемся 9 декабря параде полка солдаты встретили генерала Марушевского молчанием. Первая рота на его приветствие кое-как ответила, а вторая половина батальона не ответила совсем. Парад принимал английский генерал Айронсайд на правах главнокомандующего экспедиционными войсками севера России, а также и „запасом живой русской силы“. Двум ротам полка было объявлено об отправке их на фронт.

В назначенный к отправке на фронт день 11 декабря в казармах вспыхнуло восстание. Из одной в другую роты бегали связные, проводились митинги. Солдаты схватились за винтовки. Чувствуя недоброе для себя, офицеры скрылись. Приказы и увещания командира полка не действовали. Солдаты отказались выйти из казарм.

Это был открытый вооруженный бунт, восстание.

Генерал Марушевский о событиях в казармах узнал от штаба интервентов и лично от генерала Айронсайда. По приказу Марушевского казармы оцепили пулеметная и бомбо-

метная команды. На помощь им интервенты послали английскую роту. Осажденные в казармах солдаты на пулеметный и бомбометный огонь отвечали стрельбой из винтовок, но, израсходовав патроны, были вынуждены сдаться.

К казармам прибыл Марушевский и за ним Айронсайд. Марушевский отдал приказ командиру полка, чтобы он потребовал от солдат — выдать зачинщиков или взять из строя каждого десятого и расстрелять на месте. Из строя выхватили тринадцать солдат и по приказу Марушевского под конвоем белогвардейской полуроты в сопровождении предоставленных Айронсайдом на всякий случай двух взводов англичан отвели к месту расстрела на архангельских Мхах, вблизи солдатских казарм.

Только после такой кровавой расправы назавтра две роты были отправлены на вокзал для следования на фронт. На вокзале безоружных солдат заперли в барак и к нему поставили английскую охрану. До посадки мятежников в вагоны перед ними выступали с речами их палачи — генералы Айронсайд и Марушевский.

На кровавое злодеяние интервентов и белогвардейцев рабочие Архангельска ответили гневными митингами, требуя от „Верховного управления“ объяснений. „Народный социалист“ Игнатьев от имени „Верховного управления“ заявил, что такие меры будут применяться и в дальнейшем.

Первое восстание было потоплено в крови тринадцати расстрелянных, но кровь погибших взывала к суровому мщению. Под влиянием большевистской пропаганды и агитации в войсках белых и интервентов в дальнейшем последовали бунт за бунтом.

Трудящиеся Архангельска, свято чтя память о первых жертвах интервенции, погибших 11 декабря 1918 года, впоследствии называли бывшие Александро-Невские казармы города „Казармами восстания“.

Восстание в полку, волнения рабочих по поводу расправы над восставшими насторожили интервентов и белогвардейцев. Ими были разработаны мероприятия на случай выступлений солдат и рабочих в будущем. Проживавшим в городе офицерам предписывались определенные обязанности и места сборов во время возможной тревоги.

С первого дня формирования и до своего развала и разгрома белая армия находилась в прямом подчинении и материальной зависимости от интервентов, служила пушечным мясом в их интересах. В феврале 1919 года, когда было уже

сформировано несколько белогвардейских полков, Марушевский посетил участок железнодорожного фронта. Там, ознакомившись с положением, он попросил командовавшего этим участком французского подполковника передать Айронсайду свои замечания и пожелания. В ответе Айронсайда французскому подполковнику значилось, как передает сам Марушевский, „что он (Айронсайд) очень ценит мою компетенцию, но что командует всеми войсками он и что, в сущности, мои (Марушевского) заключения для него не обязательны“.

БОЛЬШЕВИКИ АРХАНГЕЛЬСКА В ПОДПОЛЬЕ

Воровско-разбойничье нападение англо-американских империалистов трудящиеся Советской страны встретили с непримиримой решимостью отстоять завоевания социалистической революции, честь, свободу и независимость своей Родины. Большевистская партия Ленина — Сталина организовала и подняла народ на отечественную войну против полчищ иноземных захватчиков и буржуазно-помещичьей контрреволюции.

Вместе с трудящимися всей страны на борьбу с интервентами и белогвардейщиной поднялись и трудящиеся Архангельской области. Их борьбу возглавила Архангельская большевистская организация.

В день антисоветского переворота в Архангельске и захвата города англо-американскими интервентами, 2 августа 1918 года, комитет большевистской партии в последнем номере своей газеты „Архангельская правда“ обратился к членам организации и трудящимся города с воззванием, в котором писал:

„...Комитет партии вынужден итти в подполье, дабы не быть распятым мировыми разбойниками.

Комитет партии призывает всех членов быть стойкими на своих постах и продолжать революционное дело.

Товарищи! Революция в опасности! Наш долг всеми силами и средствами спасти ее...“

В условиях исключительного по свирепости террора пришлось начинать и проводить работу коммунистам большевистского подполья Архангельска. В то время, когда эсерам и меньшевикам их заморские хозяева разрешали сотрудничать в марионеточном „правительстве“ и его органах, издавать

газеты, — принадлежность к коммунистической партии и сочувствие ей карались расстрелом или каторгой.

На слежку за большевиками поднялись контрразведки интервентов и белых. Активное содействие контрразведкам оказывали городская буржуазия, чиновники, мещане, злобствующие обыватели.

Часть большевиков, оставшаяся в городе, вскоре была арестована и брошена в тюрьмы, но основное ядро подполья сохранилось и стало объединяться порайонно, а в городе — вокруг товарищей Теснанова и Прокушева.

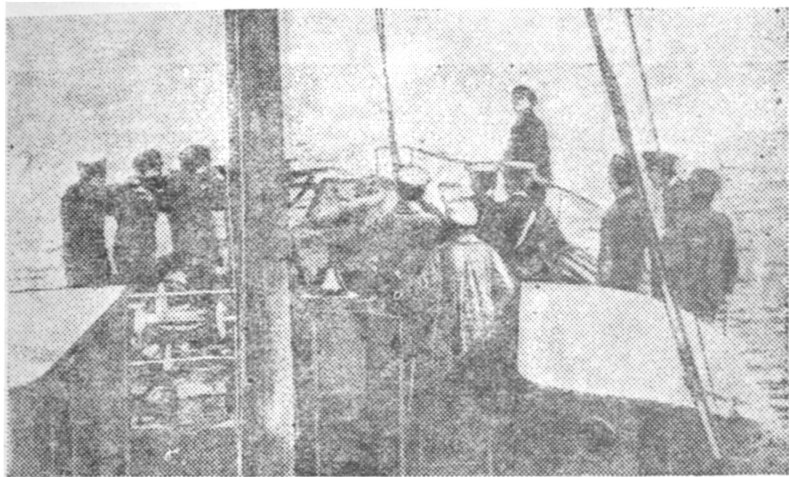
В комитет большевистского подполья Архангельска входили товарищи Теснанов, Закемовский, Рязанов и другие.

Архангельская большевистская организация была сильна своей дисциплинированностью, сочувствием и поддержкой непартийных большевиков из рабочих масс. Она установила связи с рабочими, проникла в казармы солдат и матросов противника, горячо воспринимавших слова большевистской правды. Рабочие и бедняцко-средняцкое крестьянство захваченных интервентами местностей отказывались от мобилизации в белую армию.

Начиная с декабря 1918 года, в белогвардейских частях вспыхивало восстание за восстанием. Тесные и близкие взаимоотношения с соломбальскими матросами (один из них, товарищ Иванов, был избран в состав комитета партии) дали парторганизации возможность держать радиосвязь через линию фронта. Комитет установил также и живую связь с находившимся в эвакуации губернским комитетом. Подпольщики проходили за линию фронта и обратно с оперативно-организационными заданиями. Часто такие задания выполнялись солдатами белой армии, с которыми был связан комитет партии, например, старшим унтер-офицером тов. Склепиным, служившим наборщиком типографии штаба командующего белогвардейскими частями.

Подпольный Комитет партии, не ограничиваясь устной агитацией, использовал испытанное и острейшее оружие — большевистскую печать. В январе 1919 года была отпечатана на шапирографе и широко распространена среди рабочих, солдат и матросов первая прокламация. В ней разъяснялась сущность переживаемого момента. Контрразведки усилили аресты, но парторганизация уцелела и в феврале, открыв свою типографию, выпустила две прокламации, а в марте третью — „Ко всем мобилизуемым“.

В прокламации „Ко всем мобилизуемым“ комитет партии, обращаясь к мобилизуемым в белую армию, призывал взять винтовки, но с тем, чтобы в нужный момент обратить их против интервентов и белогвардейщины. Прокламация имела очень широкое распространение. Ее обнаруживали не только в городе и рабочих районах, в солдатских казармах, а также

Расстрел интервентами коммуниста К. Герасимова на судне в Онежской губе Белого моря. 1918 г.

и на позициях белых и интервентов. В марте прокламация была отпечатана в газете политотдела 6-й Красной Армии „Наша война“.

Наличие подпольной типографии, широкое распространение прокламаций, действенность большевистской агитации, вызвавшей возбуждение в рабочих массах и среди солдат белой армии, подняли на ноги все силы контрразведок интервентов и белых. В марте им удалось раскрыть большевистскую организацию в армии, по делу которой были расстреляны солдаты из разных частей: товарищи Пухов, Шереметьев, Глазков, Сывороткин, П. Каминский, Поздеев, Аншуков, Печинин и Богданов. Тогда же был арестован, осужден и расстрелян наборщик И. М. Склепин, именем которого впоследствии названа Архангельская областная типография.

Один за другим попадают подпольщики в контрразведки, оттуда за город, на Мхи, на расстрел. Но ничто не останавливало большевиков подполья в их мужественной решимости продолжать борьбу за дело социалистической революции.

В апреле 1919 года контрразведкой были схвачены еще несколько рядовых членов большевистской организации и некоторые члены комитета большевистского подполья. В пролетарский праздник Первое мая одиннадцать большевиков архангельского подполья, в том числе члены комитета, осужденные особым военным судом, были расстреляны на Мхах, за городом. Среди них были товарищи: Карл Теснанов, Д. А. Прокушев, С. А. Закемовский, К. Н. Близнина, Д. Н. Анисимов, Ф. Э. Антынъ, Я. Ю. Розенберг.

Свидетели казни рассказали впоследствии, как умирали большевики. Член подпольного комитета, военный моряк товарищ Иванов, находясь в камере смертников, запел „Интернационал“. Палачи набросились на смелого большевика и растерзали на месте, в камере.

Расстреливая приговоренную к смертной казни женщину-большевицу (это по всем данным была Клавдия Близнина), палачи пытались приколоть ей на грудь бумажку для прицела. А она, разорвав рубашку, крикнула им: „Вот моя грудь, стреляйте, негодяи!“

Большевики мужественно принимали смерть. Они, стоя на краю братской могилы, гордо провозглашали: „Да здравствует Советская власть!“

Знамя борьбы, под которым сражалась большевистская подпольная организация Архангельска, подхватили тысячи партийных и непартийных большевиков, воспитанных партией Ленина — Сталина.

ГУБЕРНСКАЯ ТЮРЬМА

По числу прошедших заключенных и установленному „цивилизованными“ палачами режиму из всех мест заключения оккупированной англо-американскими интервентами Северной области особенно выделялась Архангельская губернская тюрьма.

Начальство губернской тюрьмы, а также все ответственные должности тюремно-полицейского ведомства были укомплектованы тюремщиками царского времени. Старший надзиратель Мамаев, получивший от заключенных прозвище

„Мамай“, прежде подвизался в должности палача в одной из тюрем на юге.

Сохранившиеся записи в книге приема арестованных по Архангельской губернской тюрьме показывают, что за период с августа 1918 года по ноябрь 1919 года через тюрьму прошло 9760 заключенных.

Первыми обитателями губернской тюрьмы оказались служащие советских учреждений, не успевшие эвакуироваться из Архангельска, попавшие в плен матросы ледоколов „Святогор“ и „Микула Селянинович“, члены заводских комитетов и другие. Тюрьма не вмещала арестованных. Зброшенные, сырые и холодные подвалы архангельской таможни служили отделением губернской тюрьмы. Арестованными были переполнены арестные помещения полиции города и его районов, концентрационные лагеря на Быку и Бакарице, больничные отделения тюрьмы на Кегострове и в больничном городке.

Так осуществлялись посулы „демократических свобод“, возвешенных интервентами и эсеровским „Верховным управлением Северной области“.

Социальный состав заключенных — в основном рабочие, крестьяне-бедняки и середняки, матросы — наглядно показывал классовую сущность политики интервентов и белогвардейщины, как политики реставрации буржуазно-помещичьего строя.

Поводом к заключению в губернскую тюрьму являлась активная деятельность в большевистской партии или органах Советской власти, в комитетах деревенской бедноты, в профсоюзах, сочувствие Советской власти, а также и такие „преступления“, как служба сыновей в Красной Армии, „разговоры большевистского порядка“.

Арестовывали за агитацию, „вызывающую классовую борьбу“, за „неуважение“ к интервентам и т. д. Мальцев-Николаенко — часовых дел мастер — иногда занимался живописью. Он скопировал картину „Лунная ночь в окрестностях Петербурга“. Копия понравилась английскому полковнику, но Мальцев-Николаенко отказался уступить ее, за что был арестован, а через сутки расстрелян как сочувствующий большевикам и проявивший неуважение к „союзникам“.

Губернская тюрьма с ее отделениями, каторжная тюрьма, открытая 23 августа 1918 года на острове Мудьюг, не вмещали всех арестованных. В камеру, рассчитанную на двадцать человек, помещали по шестьдесят человек и более.

Мест на нарах нехватало. Заключенные располагались на сыром, грязном голом полу, под нарами. Опоражниваемая раз с сутки „параша“ быстро переполнялась, ее содержимое текло под спящих.

Произвол тюремной администрации сказывался и в зверском обращении и в наказании карцером. В темный, холодный карцер с заплесневевшими от сырости стенами заключенных бросали в одном белье и держали до 14 суток. Редкие выдерживали такое испытание.

От голода, невероятной скученности, антисанитарных условий содержания появились массовые заболевания цынгой, дизентерией, затем вспыхнула унесшая много жертв эпидемия сыпного тифа, а нужных лекарств в тюремную аптеку не выдавалось. Перевод в тюремный лазарет — барак больничного городка, облегчения не давал. Тов. Тубанова, будучи заключенной и добровольно работавшая сиделкой в тифозном бараке, вспоминала:

„Жизнь в бараке была кошмарной. Больных, еле двигавшихся, привозили каждый день горами — грязных, оборванных, с невероятным количеством паразитов и сваливали в коридоре. Покойницкая была завалена трупами...“

Убедившись в непреклонной решимости трудящихся области к борьбе с иноземными захватчиками, интервенты и белогвардейцы стали действовать методами самого разнузданного массового террора. Созданные ими военные, особые военные и военно-полевые суды повели свое черное дело. Военный суд заседал непосредственно в тюрьме. Заключенные каждую ночь ожидали — в какой камере загремят ключи, кого поведут на расправу. После короткой комедии суда грузовой автомобиль увозил обреченных на загородные Мхи, к месту расстрела.

Первый открытый расстрел был произведен 3 ноября 1918 года, в три часа дня, во дворе тюрьмы. В этот день интервенты расстреляли Степана Николаевича Ларионова и пять товарищей из его красноармейского отряда. Во время расстрела Ларионова всех заключенных тюрьмы выстроили по камерам и под угрозой расстрела приказали не расходиться до свистка.

Как разбойники с большой дороги, которые связывают себя общим участием в убийствах, интервенты поручили расстрел сводному отряду англичан, американцев, французов и итальянцев. Итальянские солдаты, узнав для чего их вызвали, отказались расстреливать осужденных.

Перед расстрелом Степану Ларионову и его товарищам предложили завязать глаза. Товарищ Ларионов гордо, с презрением ответил предлагавшему: „Если тебе стыдно, закрой свои глаза, а мы сумеем умереть с открытыми глазами!“ После двух залпов красноармейцы упали, тяжело раненый Ларионов продолжал стоять. Выстрелом в упор было покончено и с ним. Так погиб пламенный большевик, агитатор, организатор Красной гвардии Архангельска, командир красноармейского отряда Степан Ларионов.

Впоследствии массовые расстрелы стали обычным явлением. Но прежде чем покончить с обреченными, палачи подвергали их мучительным пыткам. Чтобы продлить предсмертные мучения своих жертв, палачи сбрасывали в могилу больных или недобитых в момент расстрела и зарывали их живыми.

Свидетель из числа заключенных, привлекавшихся к обязанностям могильщика, рассказывал суду:

„Затем последовал расстрел, и надзиратели потащили нас закапывать могилу. Закапывая, мы слышали голос:

— Товарищи! Я знаю, кто нас закапывает... Ведь я еще живой!“

В апреле 1919 года расстреляли пять пленных красноармейцев. Один из них был брошен в могилу живым и зарыт вместе с убитыми.

Командира ледокола „Святогор“ Н. А. Дрейера, больного настолько, что он не мог ни ходить, ни стоять, к месту казни доставили на носилках и расстреливали привязанным к столбу.

Осужденные на казнь встречали смерть с высоким, благородным мужеством и непоколебимой верой в правоту дела большевистской партии и Советской власти.

Председатель судебного комитета ледокола „Святогор“ военный моряк Александр Терехин, когда его повели на расстрел, бросил тюремщикам: „За мою голову сотни ваших слетят!“ Терехина вернули в камеру смертников и расстреляли только через неделю.

На 12 августа 1919 года в губернской тюрьме, ее отделениях (в подвалах таможни и на Кегострове) содержалось восемьсот семьдесят шесть заключенных. Кроме того в Архангельске и его окрестностях наравне с заключенными содержалось свыше двух тысяч пленных красноармейцев и более тысячи белогвардейских солдат, отказавшихся служить интервентам. Такой состав заключенных вызывал у интер-

вентов и белых серьезную тревогу. Летом 1919 года по всем участкам их фронта прокатилась волна восстаний. На Онеге восстал и влился в Красную Армию целый полк белых. С восстаниями на фронте могло слиться восстание в тылу.

13 августа 1919 года при главнокомандующем белогвардейскими формированиями области с участием представителя разведывательного отдела интервентов состоялось „совещание об очищении Архангельска и его окрестностей от опасных и неблагонадежных элементов“. Для разгрузки архангельских тюрем совещание решило пополнить Мудьюгскую каторжную тюрьму на восемьсот заключенных и для двух тысяч заключенных открыть тюрьмы на островах Анзерском и Кондо в Онежском заливе Белого моря.

При обсуждении вопроса, как поступить с военно-пленными и отказавшимися служить интервентам солдатами белой армии, представитель интервентов довел до сведения собравшихся, что этот вопрос уже решен, что сортировка солдат и военнопленных будет произведена союзным разведывательным отделом (контрразведкой интервентов). Подчеркивая холуйскую зависимость от интервентов, совещание писало в своих решениях: „Просить союзный разведывательный отдел... Просить Главнокомандующего английским экспедиционным корпусом...“

Вспыхнувшее через месяц восстание и побег каторжан с Мудьюга изменили намеченные совещанием мероприятия. Новая, еще более жуткая ссыльно-каторжная тюрьма была открыта за полярным кругом, на Мурманском побережье Ледовитого океана, в заброшенном становище Иоканьга.

МУДЬЮГСКАЯ ССЫЛЬНО-КАТОРЖНАЯ ТЮРЬМА

К наиболее кошмарным и позорным страницам в истории англо-американской и французской интервенции на Севере относится создание интервентами и белогвардейщиной Мудьюгской и Иоканьгской ссыльно-каторжных тюрем. Через эти тюрьмы прошли тысячи заключенных, многие из которых там же или впоследствии были расстреляны, замучены или погибли от истощения и эпидемий.

Из опасения скопления в городе, хотя бы и в тюрьмах, враждебного к властям оккупантов и белых большого количества заключенных, а также для усиления репрессий за-

морские хозяева и белогвардейское правительство „социалистов“ решили разгрузить места заключения. Для этих целей они открыли каторжную тюрьму на заброшенном, пустынном острове Мудьюге, расположенном в Двинской губе Белого моря, в шестидесяти километрах от Архангельска.

Вновь созданную тюрьму называли „первым концентрационным лагерем для военнопленных“. В действительности „лагерь“ и по составу заключенных и по установленному там режиму оказался каторжной тюрьмой, перед которой бледнела сибирская каторга времен царизма. Впоследствии „лагерь“ так и стал называться — ссыльно-каторжная тюрьма.

Первая группа каторжан в сто тридцать четыре человека была доставлена на Мудьюг 23 августа 1918 года. В состав ее входили арестованные за принадлежность к коммунистической партии, за сочувствие Советской власти, за службу в Советах и советских учреждениях, профсоюзных органах и около семидесяти человек, недолгое время служивших в Красной Армии.

Прибывшим предстояло своими руками построить и оборудовать себе тюрьму, в первую очередь — карцеры-землянки. Отведенная для тюрьмы площадь была обнесена двумя рядами проволоочных заграждений высотой более трех метров.

Не доверяя белогвардейщине, интервенты составили администрацию и гарнизон каторги из французов. Установленный колонизаторами режим Мудьюгской каторги стоил жизни сотням борцов за дело социалистической революции.

Исключительные по свирепости „правила для заключенных в лагере“ предусматривали наказание карцером или смертной казнью. Запрещалось петь „бунтовщические“ песни, к которым, по разъяснению администрации, относились „вообще все революционные песни“.

Невыносимый режим военно-каторжной тюрьмы интервентов усугублялся полуголодным существованием. По раскладке на каждого заключенного полагалось в сутки: галет 200 граммов, консервов 175 граммов, риса 42 грамма, соли 10 граммов.

Полуголодных людей каждое утро выгоняли на работы. Падавших от изнеможения поднимали прикладами.

Палачам, поставившим задачей уничтожить попавших к ним в заключение, казалось и этого мало: заключенных лишили не только медицинской помощи, но и бани, белья, мыла.

В тюремный барак, рассчитанный на сто человек, помещали по триста пятьдесят человек и более. Такая скученность, отсутствие бани, мыла, смены белья создавали условия для появления большого количества паразитов и вызывали заболевания цынгой, тифом, дизентерией. Французский, а потом заменивший его английский врач рекомендовали больным: „Вы ничего не кушайте и ходите на работы, вам нужен свежий воздух“.

Для больных был устроен лазарет, но больные избегали попадать туда, чтобы не замерзнуть, настолько холодно было зимой в лазарете, и предпочитали умереть в общем бараке, рядом с товарищами по заключению.

Выгоняя заключенных на работу или на поверку, „цивилизованные“ палачи не считались, здоров человек или нет. Заключенный Климов не мог выйти из барака на поверку. Он умирал. Переводчик, французский сержант Лерне, вытащил Климова из барака и избил его палкой. Через пять минут после „поверки“ Климов умер. Другой заключенный умер через два часа после возвращения с работы.

Помимо избиений на работе, при поверках, заключенных не оставляли в покое и ночью. Тот же переводчик, французский сержант Лерне, с вооруженными французами из гарнизона по ночам врывается в бараки для обысков. Обыски сопровождались массовым избиением и отправкой заключенных в карцер на срок до пятнадцати суток.

Наиболее жутким местом Мудьюга были карцеры. Под первый из них приспособили заброшенный ледник. По тому же типу строились и новые карцеры. Каторжане, побывавшие в карцере в зимнее время, выходили оттуда с отмороженными конечностями. Многие умирали в карцере или от последствий пребывания в нем.

Каждые сутки на Мудьюге смерть уносила по несколько жертв. Умершие ночью до утра оставались лежать в бараках, между живыми. Французский сержант, входя по утрам в барак и коверкая русскую речь, спрашивал: „Сколько большевиков сегодня капнут?“ А смерть приходила для многих. Только за девять месяцев, к июню 1919 года, на кладбище насчитывалось сто два креста, причем многие попали в общую могилу. В последние месяцы существования мудьюгской каторги смертность значительно возросла.

Летом 1919 года французская администрация и гарнизон Мудьюга были заменены белогвардейцами. У интервентов уже горела почва под ногами, они были вынуждены спешить.

обратиться по домам. Белогвардейцы с неменьшим усердием продолжали начатое колонизаторами преступное дело.

Неимоверные лишения, неслыханный по произволу режим военно-каторжной тюрьмы не сломили у советских людей мужества, преданности делу большевистской партии и Советской власти, сыновней любви к Родине, ненависти к иноземным захватчикам и белогвардейщине. Наоборот, обреченные на смерть советские люди прониклись еще большей решимостью бороться и побеждать или погибнуть в схватке с врагом.

Наиболее инициативные и смелые из каторжан повели подготовку, казалось бы, немислимого к осуществлению предприятия — восстания и побега. Большевики — бывший военный моряк, председатель Архангельского уездного исполкома П. П. Стрелков и взятый в плен под Архангельском в результате измены военспецов комиссар красноармейской части Г. И. Поскакухин возглавили подготовку восстания.

По плану, разработанному организаторами восстания, необходимо было организовать и зажечь решимостью вырваться на свободу более стойких заключенных. Намечалось внезапным нападением обезоружить конвой, охрану и администрацию, и, вооружившись, переправиться с острова на материк, затем с боем пройти по тылам противника и соединиться с частями Красной Армии.

Доходившие до каторжан слухи о переводе их в каторжную тюрьму, которая открывалась в заброшенном рыбацком становище Иоканьга на Мурманском побережье, побуждали спешить с восстанием. Восстание назначили на 13 сентября, но, настороженное внимание администрации и произведенные ею обыски, показали, что каким-то провокатором сделан

Г. И. Поскакухин.

донос. Восстание было отложено. Утром 15 сентября П. П. Стрелков переслал Поскакухину записку: „Почему отложено? Я требую — или сейчас или будет поздно!“ Поскакухин ответил: „Сегодня в час дня обезоруживай свой конвоей“.

Пришло назначенное время, и вот, наконец, у барака раз-

П. П. Стрелков.

дался условленный выстрел — там был обезоружен часовой. В этот же момент находившийся на работе вне барака тов. Стрелков вырвал винтовку у охранявшего их группу конвойного и подал команду открывать каторжанский барак. Тут же обезоружили часового на вышке. Остальные часовые в растерянности побежали к дому охраны и повели обстрел по баракам. Заключение, обстреливаемые охраной, бежали из барака, лезли через проволочные заграждения, но большинство их, несмотря на угрозы и требования Стрелкова и Поскакухина, под влиянием действовавших теперь открыто провокаторов и малодушных не выходило из барака, а время истекало. Тогда Стрелков и Поскакухин с пятьюдесятью человеками бросились в атаку на охрану, но ох-

рана успела оправиться от растерянности и усилила обстрел. Теряя товарищей убитыми и ранеными, атакующие отступили.

Шестьдесят человек вырвались из-за проволочных заграждений к берегу пролива. На карбасах крестьян, перевозивших с острова сено, бежавшие переправились на материк. Переправа проходила не одновременно и в разных местах, бежавшие оказались разделенными на две группы. В группе товарищей Стрелкова и Поскакухина находилось тридцать два человека, в другой остальные.

Группа Стрелкова и Поскакухина после невероятных лишений, потеряв в пути двух обессиленных товарищей,

пройдя сотни километров лесами и болотами, вышла в расположение красноармейских частей Пинежского фронта.

Бывшие узники „острова смерти“ Мудьюга, еле поправившиеся, вступили в ряды Красной Армии, а некоторые были направлены на партийную и советскую работу.

Вторая группа бежавших с Мудьюга, не имея энергичных вожаков-организаторов, рассеялась и большинство из нее вновь попало в руки белых.

О восстании и побеге каторжан белогвардейскому командованию стало известно в тот же день. На Мудьюг на двух пароходах выехала специальная комиссия с воинской частью, а по области были разосланы телеграммы, требовавшие задержать бежавших.

Допросы, следствие на Мудьюге шли весь день 16 сентября и к вечеру тринадцати каторжанам объявили смертный приговор.

Опасаясь не только повторного выступления заключенных, но и выступления своих солдат, контрразведчики и тюремщики приготовились к расстрелу по-особенному: осужденных вывели на берег моря и поставили перед двумя цепями солдат. Первая цепь из менее надежных должна была произвести расстрел, а вторая, из более надежных, стояла позади, несколько в стороне от первой, на случай ее неповиновения. За обеими цепями у нескольких пулеметов изготовились офицеры...

Расстреливаемые вели себя стойко и мужественно, что был вынужден признать в своих воспоминаниях полевой военный прокурор белых Добровольский. По его свидетельству, расстреливаемые перед смертью провозглашали здравицу: „Да здравствует Советская власть!“

Восстанием, побегом заключенных 15 сентября 1919 года и расстрелом тринадцати закончила свое существование мудьюгская каторга.

ССЫЛЬНО-КАТОРЖНАЯ ТЮРЬМА ИОКАНЬГА

Смертная казнь, массовые расстрелы, мудьюгская каторга, тюрьма, ссылка — все эти зверские расправы иноземных захватчиков не сломили сопротивления и стремления к победе трудящихся Советского Севера. Требовалось еще что-то другое, более исключительное для массового уничто-

жения коммунистов и сочувствующих большевистской партии и Советской власти. Восстание и побег мудьюгских каторжан ускорили выполнение зверских намерений интервентов и белогвардейцев открыть новую каторгу, но вместо предполагавшихся тюрем на островах Онежского залива Белого моря интервенты открыли тюрьму на Иоканьге за полярным кругом.

Открытие Иоканьгской ссыльно-каторжной тюрьмы по замыслам палачей должно было разрешить две задачи: очистить Архангельск от опасных и неблагонадежных элементов и поставить заключенных в такие условия, чтобы исключалась всякая возможность побега и гарантировалось полное истребление заключенных.

Побывавший на Иоканьге член белогвардейского правительства Б. Соколов писал:

„При самом выходе из горла Белого моря на Мурманском берегу — бухта. Кругом голые скалы, ни одного дерева. Постоянные неистовые ветры. Все это заставляло издавна людей избегать этих, как они называли, проклятых богом мест. Действительно, трудно представить себе картину более безотрадную. На сотни верст никакого селения“.

Новую каторжную тюрьму охраняла свирепая стража с известным по Мудьюгу Судаковым во главе.

Первая группа каторжан в триста шестьдесят человек была доставлена на Иоканьгу 23 сентября 1919 года. Вскоре число заключенных там достигло тысячи двухсот человек. Сюда же были сосланы, как и на Мудьюг, дисциплинарники — солдаты белой армии, арестованные и брошенные в тюрьму за отказ воевать против Советской власти. В число заключенных Иоканьгской тюрьмы были включены с определенными целями уголовники и провокаторы, список которых впоследствии нашли у Судакова.

Подавляющее большинство каторжан до Иоканьги прошло через Мудьюг, губернскую тюрьму и иные места заключения. Их силы были уже подорваны, а Иоканьга должна была стать им последним пристанищем. Заключенные так и считали, что они доставлены сюда с заранее обдуманной целью — на смерть от голода, эпидемий, цынг.

Как и на Мудьюге, каторжане Иоканьги должны были своими силами строить помещения тюрьмы. В осеннюю стужу, под пронизывающим ветром с полярного моря, голодные, неодетые и необутые, они сначала построили фанерный барак, несколько землянок и затем бревенчатый барак. Неимоверная скученность, грязь, обилие насекомых, испарения от

сорокаведерных параш, холод и сырость делали пребывание в таких постройках невыносимым.

Под карцер, тоже по опыту Мудьюга, был приспособлен заброшенный ледник. Узникам, брошенным в такой карцер, не давали брать с собой одеял, их лишали горячей пищи, а спать или лежать можно было только на голой, мерзлой земле. Редкие выдерживали пребывание в таком карцере, и зачастую по утрам надзиратели обнаруживали там окочевшие трупы.

Первые месяцы на Иоканьге производились проверки. Заключенных, едва прикрытых лохмотьями одежды, выстраивали у тюрьмы и заставляли разуваться на снегу. Одновременно с проверкой шел обыск. Проверки сопровождались избиением и известными по Мудьюгу „поучениями“ Судакова: „Я здесь царь и бог! Что хочу, то и делаю!.. Мне власть дана такая! — и, показывая вверх дубиной, заключал: — А отвечаю я только перед всевышним“.

Впоследствии такие проверки, дававшие заключенным возможность хоть немножко подышать свежим воздухом, были отменены, и заключенные, кроме выводившихся на работу дисциплинарников, круглые сутки держались запертыми.

Начальник каторги Судаков с надзирателями проводил по ночам повальные обыски с избиением насмерть. Судаков действовал дубиной, надзиратели — прикладами и револьверами. В один из очередных обысков и побоищ Судаков растоптал насмерть секретаря Савинского волисполкома В. С. Фомина, прикладом винтовки раздробил кость другому заключенному, Хамеляйнену, который после этого умер.

Упоминавшийся выше Б. Соколов писал, что Судаков „...находил какое-то особое удовольствие в собственноручных избиениях арестантов, для каковой цели всегда носил толстую дубину... Если бы мне кто-нибудь рассказал о нравах Иоканьги, то я бы ему не поверил, но виденному собственными глазами нельзя не верить“.

Судаков и его свора знали, что доведенные ими до отчаяния люди способны на все ради одного мига свободы. Поэтому бараки с заключенными закрывали круглые сутки на замок, а заключенные должны были лежать без движения, без разговоров всю восемнадцатичасовую полярную ночь. Достаточно было бредового вскрика больного или последнего стопа умирающего, чтобы стража открыла стрельбу по тюрьме.

Массовые заболевания цынгой, дизентерией, тифом, голод уносили жертву за жертвой. Умершие ночью оставались лежать до утра между живыми. Тряпье, оставшееся от умерших, разбиралось их товарищами, чтобы сколько-нибудь укрыться от холода.

За полтора-два месяца, с 23 сентября 1919 года, на Иоканьге умерло семьдесят человек. Наиболее активные из каторжан не могли мириться с положением обреченных насмерть и готовились к побегу. Две попытки побега оказались сорванными стараниями провокаторов, но инициаторов подготовки побегов никто не выдал, за что жестоко поплатились все каторжане.

В одну из ноябрьских ночей заключенные были разбужены стрельбой и стуками раненых товарищей. Оказалось, что по команде Судакова: „По уровню нар — пальба!“ стража залпами обстреливала тюрьму и затем, возглавляемая Судаковым, набросилась на арестованных. Судаков, действуя дубиной, стрелял из револьвера в направлении стонов раненых, а его подручные орудовали прикладами.

После побоища из тюрьмы вынесли девять убитых и тридцать раненых, из них четырнадцать вскоре умерли. Таким образом число расстрелянных и убитых Судаковым в эту кошмарную ночь достигло двадцати трех человек.

О замученных, убитых и расстрелянных на Иоканьге Судаков сообщал начальству как об умерших от цынги или других заболеваний. Всего за пять месяцев существования Иоканьгской каторги там погибло более 250 человек.

20 февраля 1920 года каторжане, узнав по радио о разгроме белых, избрали свой исполком, арестовали стражу. Через десять дней на Иоканьгу пришли два парохода и вывезли бывших каторжан в освобожденный советский Мурманск.

Многие бывшие узники умерли после освобождения. Смерть продолжала подкашивать изнуренных и заболевших. Какой степени достигла смертность показывает одна из радиogramм Иоканьгского исполкома в Архангельск:

„Сообщаем, как часто мы производим похороны. 7 февраля похоронили 36; 9 февраля — 14; 13 — 8; 16 — 12; 20 — 16; 25 февраля похоронили 21 и к 8 часам вечера — умерло еще 4 человека... По сведениям фельдшера, кандидатов в братскую могилу сто двадцать три человека, которые умирают каждый день, кроме этого еще имеется больных около 280 человек, чуть шевелящих руками“.

За одни только сутки перехода до Мурманска умерло двадцать четыре человека.

Просуществовуй Иоканьгская каторга еще полтора-два месяца и на месте тюрьмы осталась бы братская могила на тысячу человек.

Таковы жуткие итоги Иоканьгской каторги. Таким оказались на деле щедро обещанные интервентами и их марионеточными бело-эсеровскими „правителями“ „демократические свободы“.

ТЕРРОР В УЕЗДАХ

Расправу с заключенными губернской тюрьмы интервенты и белогвардейцы обставляли некоторой „законностью“. Одни из арестованных числились содержанием за „союзным правомаршалом“, другие — за военно-регистрационной службой (контрразведкой) или иньми карательными учреждениями интервентов и белых. Свои бандитские похождения в уездах, в деревнях и селах „цивилизованные“ разбойники не считали нужным прикрывать чем-либо. Здесь вся полнота власти сосредоточивалась в руках командования воинских частей по месту их расквартирования.

С приходом интервентов обнаглевшая сельская буржуазия, кулачество, царские чиновники подняли голову и пошли в услужение к иноземным захватчикам. Только в этой среде интервенты имели поддержку и на нее пытались опираться в своей колонизаторской политике. Деревенская беднота, середняки, красноармейские семьи, виля с какой лаксйской угодливостью встречали интервентов разодетые по-праздничному торговцы и кулаки, говорили: — Ишь обрадовались, свои пришли, да надолго ли?

Захватив гор. Онегу, интервенты сразу же создали там уездную следственную комиссию, в состав которой вошли: бывший уездный исправник, бывший начальник уездной полиции, кулаки и торговцы. Создали они и уездный „народный совет“ из эсеров и кадетов. Эти органы „народовластия“ немедленно восстановили в правах собственности местных заводоладельцев, а обвиняемых или заподозренных в сочувствии Советской власти передавали в контрразведку интервентов. Подобная согласованность действий интервентов и контрреволюции была обычной повсюду, куда только вторгались иноземные захватчики.

На Мурмане, входившем тогда в состав Архангельской губернии, интервентам служили троцкистско-бухаринские предатели из Мурманского совета. Там уже в начале июля 1918 года интервенты еще до своего открытого вооруженного выступления против Советской России арестовали до двухсот рабочих и служащих советских учреждений, сочувствующих Советской власти. Члены Кемского Совета тт. Малышев, Каменев, Вицуп были расстреляны, а другие вывезены в Печенгу. После захвата Архангельска число арестованных возрастало с каждым днем. Тюрьмы Печенги, Мурманска, Александровска, Кемпи переполнились. Под тюрьму интервенты приспособили и старый военный корабль „Чесма“, охрану которого нес отряд английской морской пехоты.

В Печенге тюрьмой служили чердаки недостроенного дома, бездействующая печь для обжига кирпича, конюшня, затем выкопанная силами заключенных земляная тюрьма, а когда не стало хватать и этих помещений, часть заключенных держали в монастырской церкви.

Интервенты морили заключенных голодом, обременяли непосильной каторжной работой, избивали и издевались над ними, подвергали пыткам. Заключенных Борисов и Подвойского, вина которых состояла в передаче одним другому записки, подвешивали к столбам за вывернутые назад руки. Пытаемых сняли со столбов, когда они потеряли сознание. От избиений и пыток умерли заключенные Батюшков, Попель, Комлев и многие другие. Цынга брала свои жертвы, а большим медицинская помощь не оказывалась.

Но даже в таких невыносимо тяжелых условиях советские люди не падали духом. Они решили пением „Интернационала“ отметить первую годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Исполнение гимна не могли прервать ни приклады часовых, ни угрозы караульного начальника открыть стрельбу.

Бывшие заключенные тюрем интервентов на Мурмане, оставшиеся в живых, с особой теплотой вспоминают о рабочем порта Кольской базы тов. И. Веселове, казненном интервентами в ночь с 24 на 25 декабря 1918 года по обвинению в убийстве английского офицера. Перед казнью И. Веселов был помещен в пловучую тюрьму на „Чесме“. Палачи надели Веселову на закинутые назад руки железные наручники. Когда английский конвой повел его к месту казни, вблизи стоянки пловучей тюрьмы, Веселов, обращаясь к сидевшим по кубрикам товарищам, говорил:

„Прощайте, товарищи! Смерть палачам — наемникам англо-французского капитала!“.

„Не падай духом, за тебя отомстят!“ — отвечали ему товарищи.

С наброшенной на шею петлей Веселов успел крикнуть: — Да здравствует Советская власть во всем мире!

Не довольствуясь тем, что казненный уже висит в петле, солдаты интервентов, исполняя приказ офицера, произвели залп по трупу повешенного.

„Освободительную“ миссию и „помощь русскому народу“ интервенты начали в Онеге, как и на Мурмане, массовыми арестами советских людей. В ночь с 21 на 22 сентября 1918 года в Онеге было арестовано семнадцать человек: семь рабочих, шесть служащих и четыре человека неустановленного социального положения.

В первые дни боев с интервентами на Онежском участке фронта в плен к интервентам попал раненый пулеметчик-коммунист тов. Герасимов. Он был расстрелян на судне в море. Этот акт дикой расправы „цивилизованные“ палачи увековечили фотоснимком.

Жертвы зверских расправ интервентов и белогвардейщины над мирным населением не поддаются учету. О них сохранились лишь некоторые отрывочные данные, но и этих данных достаточно для того, чтобы иметь некоторое представление о сграшных размерах разнузданного террора, чинившегося над советским народом „цивилизованными“ англо-американскими палачами и их наймитами — белогвардейцами.

Пияльский волостной исполком Онежского уезда 18 мая 1920 года сообщал Обществу содействия жертвам интервенции, что в их волости были расстреляны Шеметов И. С., 55 лет и Углова М. Ф., 50 лет. В том же уезде было расстреляно шесть работников Тамицкого волисполкома. В Польской волости было расстреляно шесть человек, седьмой бежал с места расстрела.

В селе Нюхча поводом к расстрелу послужил отказ крестьян от мобилизации в белую армию. Проводивший мобилизацию лейтенант славяно-британского легиона Рублевский схватил шесть человек и, объявив от имени английского правительства приговор, расстрелял их. Отказ от мобилизации в белую армию был повсеместным, поэтому мобилизация проводилась в условиях жесточайшего террора.

В Смотроковской волости Шенкурского уезда местный крестьянин Долгобородов был арестован за то, что у него

обнаружили устав социал-демократического кружка. Долгобородова избивали плетью и прикладами винтовок во время ареста и в арестном помещении, откуда перевели в Шенкурск в распоряжение контрразведки интервентов.

Не довольствуясь истязаниями и пытками, палачи, как вспоминает бывший заключенный Бызов, устраивали инсценировки расстрела. Контрразведчики вывели Бызова из арестного помещения в с. Березник и под конвоем восьми солдат, в присутствии американского офицера, привели его на берег реки. Бызов, будучи под прицелом, ожидал залпа, но услышал команду: „Отставить!“ Контрразведчик, ударив свою жертву хлыстом, злобно бросил: „Крепок собака!“

Заняв деревню Пучугу на Двине, интервенты ворвались в дом к семидесятилетнему крестьянину. Старик спал на печке, а его жена сидела за прялкой. Ворвавшиеся, угрожая оружием, стали выпытывать нужные им сведения, но жена ничего не знала. Когда спросили — есть ли в доме большевик? — она, полагая, что спрашивают о главе семьи — „большаке“, указала на спящего старика. Старика стащили с печи, отвели на опушку леса и расстреляли.

Заключенный Залывский, сидевший в числе двадцати трех человек в арестном помещении с. Карпова гора Пинежского уезда, вспоминает:

„Всю ночь в камере никто не спал. Многих водили на допросы и били. Одних водили один раз, других, в том числе и меня, по три раза, некоторых даже по четыре. И каждый раз били... Все мы ждали, что вот-вот поведут на расстрел. Приходили английские офицеры и солдаты, плевали на нас и бросали непотушенные окурки в лицо. Утром шестнадцати человекам из нас связали веревками руки назад и повели в Шатову гору“.

Кроме расстрелов и просто разбойничьих убийств, палачи в зимнее время топили свои жертвы в прорубях. В реке Пинеге ими было утоплено пять советских работников Пинежского уезда. Труп одного утопленного — члена уездного исполкома тов. Федорова был найден в воде летом 1920 года. Прежде чем утопить, изверги нанесли тов. Федорову тринадцать штыковых ран. Реки Печора и Вычегда стали могилой для многих жертв англо-американских и французских интервентов и белогвардейщины.

Вспоминая о тысячах жертв интервенции, о зверствах „цивилизованных“ разбойников, советские люди заявляют: „Мы помним и не забудем!“

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ГРАБЕЖ СОВЕТСКОГО СЕВЕРА ИНТЕРВЕНТАМИ

Где бы только ни высаживали свои войска англо-американские захватчики, они заверяли местное население, что пришли для оказания бескорыстной помощи русскому народу, без вмешательства в его внутренние дела, без намерений навязать какой-либо политический строй, без посягательств на территориальную целостность страны и т. п.

Лицемерными заверениями о „бескорыстности“ интервенты пытались притупить народную бдительность и скрыть захватнические планы, своевременно раскрытые гениями передового человечества В. И. Лениным и И. В. Сталиным.

В разговоре по прямому проводу Ленина и Сталина с Юрьевым о заключенном им 2 марта 1918 года от имени Мурманского Совета предательском „словесном соглашении“ с интервентами товарищ Сталин предупреждал: „...Англичане никогда не помогают зря, как и французы“.

Тысячи трудящихся Севера являлись свидетелями или жертвами разбойного хозяйничания англо-американских захватчиков, как колонизаторов и грабителей с большой дороги.

Вслед за высадившимися войсками интервентов на Север, как во вновь завоеванную колонию, поспешили всевозможные военные и экономические разведчики, предприниматели, авантюристы, крупные и мелкие мародеры. Секретарь американского посла Фрэнсиса письмом от 29 августа 1918 года сообщал Чайковскому, что „... в Архангельске находится в настоящее время американец, профессор Арчибальд Ш. Кулидж, представитель военно-промышленного продовольственного отдела Соединенных Штатов. Он прибыл в Архангельск с целью получения сведений, касающихся России, ее населения и русского правительства. Посол хотел бы, чтобы вы уделите ему полчаса вашего драгоценного времени...“

Единодушные в вопросах борьбы против Советской власти, империалистические хищники соперничали между собой в разделе и ограблении оккупированной области. В декабре 1918 года французское правительство, опередив англичан, заключило с помощником генерал-губернатора Северной области по управлению Мурманским краем Ермоловым секретный договор о сдаче французам в концессию на 99 лет участка в районе Мурманского порта.

Вслед за французами с предложением о договоре на концессию выступили англичане. Эти захватчики действовали

осмотрительно, выпустив на сцену известного „исследователя“ полярных стран Шекльтона. Ученый колониальный предприниматель выступал частным лицом от имени организуемого им общества его „деловых друзей“ в Англии. Предполагавшийся капитал общества должен был составить вначале десять — двадцать миллионов рублей.

Письмом от 30 января 1919 года Шекльтон предлагал „правительству“ Северной области сдать на концессию на 99 лет ряд участков в городе Мурманске и на побережье, а также предоставить право на исследование и эксплуатацию естественных богатств Александровского и Кемского уездов. Письмом запрашивались также возможности продажи обществу Мурманско-Сорокской железной дороги.

Предложение Шекльтона встретило благожелательное отношение „правительства“ Северной области и генерала Миллера, но французское правительство выступило с протестом.

Переговоры о концессиях прекратила вынужденная эвакуация интервентов из пределов Северной области.

Охотно и послушно подчиняясь домогательствам интервентов, белогвардейское „правительство“ предоставило им преимущественное право на эксплуатацию лесных богатств области.

Финансовая политика и захват интервентами морского транспорта на Севере отдавали в руки интервентов всю внешнюю торговлю области, если можно считать торговлей беспошлинный и бесконтрольный вывоз награбленных товаров и грузов по произвольно установленным „покупателями“ ценам, да еще с расчетом не на деньги, а по особым компенсационным свидетельствам.

За время хозяйничания на Севере интервенты вывезли в порядке прямого грабежа на пятьдесят миллионов золотых рублей льна, пеньки, свекловичных и льняных семян, марганцовой руды, смолопродуктов и других товаров и под видом „торговли“ — леса и разных товаров на сто миллионов золотых рублей.

Английский лесопромышленник Смит, состоявший в связях с английским адмиралтейством, за 1918 — 1919 годы вывез из Архангельска на двести тысяч фунтов стерлингов (два миллиона золотых рублей) леса, а когда белогвардейское „правительство“ обратилось к нему за уплатой долга, Смит отказался от уплаты и эвакуировался с войсками интервентов.

Стаи мелких мародеров занимались скупкой, спекуляцией и беспощинным вывозом ценной пушнины.

Помимо открытого и замаскированного колониального грабежа интервенты нанесли колоссальный ущерб народному хозяйству Севера разрушением городов, селений, заводов, всевозможными поборами и реквизициями, истреблением скота, посевов и т. д. По неполным подсчетам Общества содействия жертвам интервенции, хозяйничание интервентов обошлось

Вид одного из разрушенных интервентами заводов.

народному хозяйству Севера свыше шестисот сорока девяти миллионов золотых рублей.

Захватнические намерения, колониальную политику интервентов на Севере признавали и активнейшие деятели белых и сами интервенты. Тот же генерал Марушевский писал, что „...английская политика в крае была политикой колониальной, т. е. той, которую они применяют в отношении цветных народов“.

Активный участник интервенции на Севере, американский офицер писал в своей книге: „Война Америки с Россией даже

не была войной. Это была преступная затея, так как она не получила санкции американского народа...

„Заявление американского правительства о целях военной интервенции указывало, что союзники вдохновлены стремлением возвышенно и бескорыстно оказать помощь России. Однако, широкие массы крестьян остались равнодушны к этому нашему „самопожертвованию“ и выказывали нескрываемую радость, когда мы окончательно и с позором покидали их страну“.

* * *

К лету 1919 года империалисты Англии, Америки, Франции, потерпев поражение в боях с Красной Армией, убедились в полном провале затеянной ими авантюры. Они оказались вынужденными пойти на прекращение открытой вооруженной интервенции и стали готовиться к эвакуации. Этого требовали рабочий класс и демократическая общественность всего мира, выступавшие под лозунгом: „Руки прочь от Советской России“.

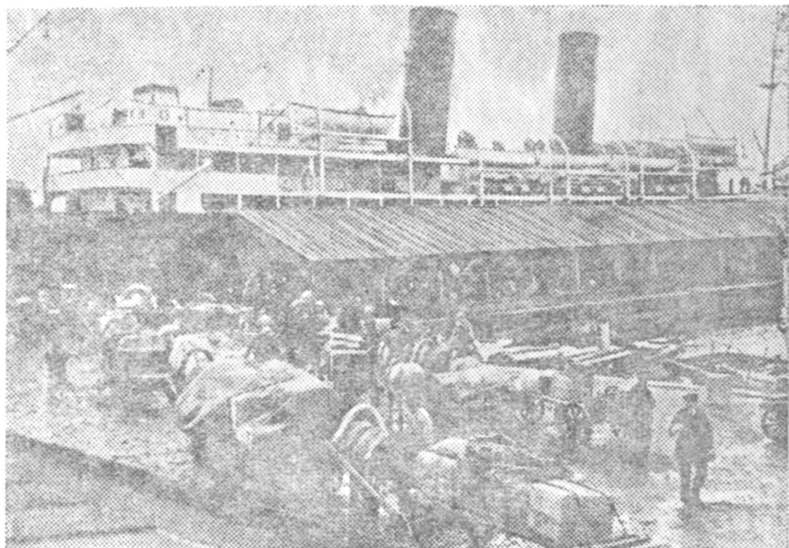
Солдаты интервентов поняли, что их заставляют воевать за чуждые им интересы капиталистов своих стран, за восстановление в России власти помещиков и капиталистов. Солдаты отказывались продолжать преступную, захватническую войну и требовали возвращения на родину. Прояснению сознания солдат интервентов содействовали большевистская пропаганда и агитация на фронте и в тылу противника.

Эвакуация войск интервентов была решенным делом и состоялась в конце сентября 1919 года, но злейший ненавистник Советской страны, тогдашний военный министр Англии, нынешний первый поджигатель новой мировой войны Уинстон Черчилль втайне от общественности продолжал поддерживать белогвардейскую контрреволюцию не только морально, но и оружием, боеприпасами, танками, самолетами, обмундированием.

Благодаря поддержке своих заграничных хозяев белогвардейщина смогла держаться на Севере еще в течение некоторого времени и продолжать злодейскую политику кровавого террора и насилий над трудящимися края. Однако дни белогвардейщины были уже сочтены. Конец их позорной, предательской власти неизбежно приближался.

Разгромив силы интервентов и внутренней контрреволюции на более угрожавших Советской республике Восточном и Южном фронтах, Советское правительство бросило на Се-

верный фронт в помощь 6-й армии значительные подкрепления. В ожесточенных боях на Северной Двине и железной дороге в феврале 1920 года навсегда было покончено с белогвардейскими бандами. Жалкие остатки контрреволюционных сил вместе с их „правительством“ были сброшены в Белое море и позорно бежали за границу к своим обанкротившимся англо-французским и американским хозяевам.

Бегство буржуазии из Архангельска.

В феврале 1920 года Север был освобожден от кошмарного гнета иноземной и внутренней контрреволюции и вновь стал неотделимой частью великого Советского социалистического государства. Вместе со всем советским народом трудящиеся Севера под руководством большевистской партии и ее гениальных вождей В. И. Ленина и И. В. Сталина с неукротимой энергией и энтузиазмом взялись за строительство социалистического общества. За годы сталинских пятилеток Север из отсталой окраины превратился в цветущий богатый и культурный край — могучий индустриальный форпост социалистического государства.

Далеко позади остались черные годы интервенции, но советские люди никогда не забудут этих кошмарных лет, тех неисчислимых злодеяний, которые были совершены „цивилизованными“ разбойниками англо-французского и американского империализма на советской земле. Помня об этих злодеяниях, советские люди все свои силы и средства отдадут для того, чтобы еще больше укрепить несокрушимость своего отечества, для того, чтобы нога вражеских орд никогда больше не ступила на рубежи священной советской земли.

Прокламация Архангельского большевистского подпольного комитета, выпущенная в марте 1919 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

КО ВСЕМ МОБИЛИЗУЕМЫМ

Т о в а р и щ и !

Идет гражданская война, льется кровь. С одной стороны, в этой борьбе — наши братья, рабочие и крестьяне Советской России, геройски отстаивающие свою и нашу свободу и независимость, с другой — собравшиеся со всех углов России капиталисты, остатки царского чиновничества и офицерства, опирающиеся на штыки международного капитала, уничтожившие все завоевания революции, объявившие беспощадную борьбу рабочим и крестьянам.

Первые — наши братья, наши освободители. Вторые — наши злейшие эксплуататоры, стремящиеся снова заковать нас в цепи рабства, снова жиреть от нашего каторжного труда, от наших слез и пота.

Но колеблется почва под ногами наших врагов; чувствуют они, что настает час торжества наших братьев, наносящих им удар за ударом, час, который будет часом расплаты за весь гнет, за все преступления, часом их гибели!

Союзные войска — основа их силы — уже колеблются, они начинают понимать всю подлость и обман их правительств, заставляющих их воевать на стороне угнетателей против угнетенных, своих же братьев — крестьян и рабочих.

Еще меньше уверенности в местных русских войсках. Но, защищая свои капиталы и власть, наши угнетатели с союзниками во главе неслыханными жестокостями, дисциплиной кнута и нагайки, расстрелами, как рабов, гонят вас в бой против наших же братьев — рабочих и крестьян Советской России.

И вот снова мобилизация! Сотни нас, призванных, будут оторваны от мирного труда от своих семей, заперты в казармы, а потом брошены в братоубийственную борьбу, в которой мы будем гибнуть во славу международного капитала и наших монархистов, наших тиранов.

Нет, товарищи, довольно обмана! Мы уже поняли коварные жестокие замыслы наших врагов, — им не удастся натравить нас на советских рабочих и крестьян.

Но силы наши не следует растрачивать преждевременно, не нужно пока выступать открыто, на что наверное рассчитывает мобилизующая нас подлая шайка. Не будем поддаваться их провокации!

Мы явимся на призыв, возьмем винтовки в руки, но не для того, чтобы воевать с нашими братьями из Советской России, а только для того, чтобы в нужный момент помочь им в борьбе с общим врагом!

Долой братоубийственную войну!

Долой международную шайку капиталистов!

Долой правительство предателей!

Да здравствуют самоотверженные борцы за полное раскрепощение от власти международного капитала — рабочие и крестьяне Советской России!

Мы ждем вас, мы с вами!

АРХАНГЕЛЬСКИЙ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РОССИЙСКОЙ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВЬЯКОВ).

2

Не доверяя белогвардейщине творить суд и расправу, интервенты приказали „социалисту“ Чайковскому ввести, как быстро действующие, военно-полевые и особые военные суды. В состав уже учрежденного „Верховным управлением“ особого военного суда они приказали ввести своих представителей.

Письмо генерала Пуля Чайковскому

*Архангельск, 13 сентября 1918 г., № 174.
Весьма спешно.*

Прошу вас срочно провести в законодательном порядке включение в состав особого военного суда, кроме положенных четырех членов (чинов) русской армии, еще трех членов — представителей союзных армий: британской, французской и американской.

Главкомандующий всеми союзными силами
на русском фронте генерал Пуля.

Приговоры военных, особых военных, военно-полевых судов утверждались командованием войск интервентов. Первый массовый расстрел в Архангельске был произведен интервентами 3 ноября 1918 года. В этот день сводный отряд англичан, американцев и французов расстрелял во дворе губернской тюрьмы бывшего командира красноармейского отряда С. Н. Ларионова и пять его товарищей.

**Письмо начальника штаба войск интервентов
на Севере Чайковскому**

Архангельск, 11 ноября 1918 г.

Ссылаясь на ваш разговор с генералом Нидгэм сегодня утром относительно казни 6 заключенных, при сем имею честь приложить вам копию письма, присланного вам 4 ноября 1918 г. Просьба подтвердить получение сего.

Бригадный генерал Нидгэм.

Письмо главнокомандующего войсками интервентов командующему белогвардейскими войсками на Севере генералу Марушевскому.

4 ноября 1918 г., № РЕ/А/53

При сем прилагаю дело военного суда, заседавшего 25 октября 1918 г., и удостоверение тюремных властей о приведении в исполнение приговора над:

- 1) бывшим офицером Степаном Ларионовым,
- 2) комиссаром Шарыгиным,
- 3) Георгиевским,
- 4) Комаровым,
- 5) Якобчаком,
- 6) Джамчиковым.

Пожалуйста, примите меры, чтобы приговор — пожизненное заключение — над другими арестованными был приведен в исполнение.

Бригадный генерал, главнокомандующий экспедиционных сил северной России Е. Айронсайд.

Активный участник интервенции на Севере, американский офицер, скрывшийся под псевдонимом „Хроникер“, в книге „Архангельск. Война Америки с Россией“ (Чикаго, 1924.) писал:

„Зачем же мы пришли, зачем оставались, вторгнувшись в пределы России и разрушая русские жилища?

Британский генерал Фингельсон, начальник Двинского отряда, говорил нам: „Не должно быть никаких колебаний в нашем стремлении смыть клеймо большевизма в России“. Действительно ли это было нашей целью в те зловещие зимние ночи, когда мы расстреливали русских крестьян и сжигали русские деревни? Единственно, существовавшее в действительности, это было клеймо позора, которое мы, уходя, оставляли после себя. Но еще более глубокое, четкое, жгучее клеймо позора остается на лицах тех людей, что сидят в мягких креслах, чертили планы вооруженных союзов и будущих международных столкновений“.

Цена **55** коп.

**АРХАНГЕЛЬСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО**